

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валентина Энкелин
КИТ, БАБОЧКА И ЛЯГУШКА

Валентина Энкелин

Кит, бабочка и лягушка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72721078

SelfPub; 2026

Аннотация

Это книга о том, как жить, когда больно. И почему всё-таки стоит жить.

Герои выглядят обычными, но внутри себя справляются с тяжелыми испытаниями, о которых никто не догадывается. Офисный работник скрывает депрессию, популярная блогерка молчит о насилии, одинокая женщина прячет у себя дома чужого ребёнка.

Произведение с одним сюжетом, читается как сборник рассказов

Содержание

Пролог	5
Утро	8
Учитель	17
Желание	33
Семья	39
5 чувство	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Валентина Энкелин

Кит, бабочка и лягушка

История о любви и смерти

Пролог

Козы рвут листья молодых берёз и жуют клевер. На склоне холма у воды сидят седой крепкий мужчина и русоволосый мальчик.

– Пора нам уже, вечереет.

Мальчик смотрит, как дедушка от ноздрей к щекам разглаживает густые усы и думает, что отрастит такие же, когда вырастет. Рвёт травинку, крутит её двумя пальцами и спрашивает:

– Давай ещё немного посидим?

Мужчина глубоко вздыхает и остаётся на месте. Мальчик ёрзает и говорит:

– Расскажи мне историю про лягушек.

– Тыщу раз слушал, сам рассказывай.

– Расскажи ещё раз.

– Ладно.

—

Дождь тогда лил сотни лет, вода закрывала собой вершины гор. Люди выныривали посидеть на скользких камнях и поднимали глаза в надежде увидеть луч солнца. Но однажды дождь закончился, будто кто-то его выключил. Люди улыбались и тянули к нему сморщенные пальцы. Постепенно кожа разгладилась, выпученные глаза спрятались за веки. Людям понравилось на суше. Они учились строить дома, готовить

еду. Только двум из них было горько и тоскливо. Они уходили сидеть на камнях и смотреть в воду. Один человек сказал:

– Нет нам с тобой места на этой земле. Так давай уйдём обратно в океан. Уплывём в поисках дна.

Второй ответил:

– Лучше давай улетим. Вырастим крылья, как у древних зверей. Поближе к солнцу. Будем свободны.

Уговаривали, но никто не уступал. Однажды с далёкого берега приплыли лодки с другими людьми. У них были такие же руки и ноги, но больше и сильнее. Сказали чужаки, что земля им эта понравилась и теперь они тут будут жить. И началась война. Никто не хотел делиться сушей, слишком дорого она им досталась. Люди убивали друг друга камнями, палками и голыми руками. Жгли, топили и сбрасывали со скал. Но никто не уступал.

Двое пришли к стоячей воде и со слезами умоляли:

– Спасайся со мной, поплыли отсюда!

– Нет, лети со мной, мы будем выше всех!

Они поцеловали друг друга и расстались навсегда. Один улетел ввысь, а второй погрузился в воду и сказал свои последние человеческие слова: «Я люблю тебя». Слова эти пузырьком воздуха всплыли на сушу. Пузырь лопнул и родил красивое создание. Оно походило на подводных людей, с такими же большими глазами и сморщенными пальцами, но сияло особой красотой и силой. Кожа сверкала изумрудами, рослое гибкое тело дышало туманом и выдыхало аромат слад-

кой молодой коры орехового дерева. Оно ходило по земле длинными ногами, ныряло на дно за жемчужинами для своих венцов и прыгало к небу, расправляя руки для полёта. Восхитились люди и спросили:

– Ты единственный умеешь плавать под водой, ходить по земле и взлетать в воздух до верхушек самых высоких деревьев. Ты подчинил себе три стихии, так кто же ты?

Создание вытянулось, посмотрела вверх голов и пропело:

– Я лягушка.

Люди стали приносить лягушке дары, просить о помощи. Пели про неё песни, водили хороводы, рисовали её на стенах хижин. Но люди из самых больших и богатых хижин позавидовали и испугались. Догадались они, что осталась одна стихия, неподвластная лягушке. Пришли они ночью, связали её по рукам и ногам и подожгли. Заплакала лягушка густыми серебряными слезами, укатились они на дно стоячей воды. Вылупились из них маленькие лягушата, попрятались в камышах и шумят по сей день.

—

Заходящее солнце вплетает лучи в стога сена, ветки берёз и русые волосы ребёнка. Мужчина опирается на палку, поднимается и говорит:

– Вставай, Витюш, пора коз домой гнать.

Утро

Утро. Жара. Каждый вдох даётся с трудом. К вечеру полегчает. На закате солнце зальёт воздух чёрным некрепким чаем. А сейчас глотаю кофе. Вот доживу до осени! Станет совсем хорошо. Листья полетят вдоль карих стволов. В лужах отразится потускневшее небо. Оно будет прятать солнце, но лучи, ребячась, проскользнут сквозь дырки в заборе и дотронутся до загорелых щёк и обветренных губ. Я буду наблюдать за всем, прищулив левый глаз, и мять белой подошвой ещё податливую землю.

Жаль, что нельзя остаться в осени навсегда. Весна наступает, её не оттянуть. Опять придется пройти через утренний ад. Если хочешь проснуться.

Надеваю пиджак, который вечером понесу в руках. Как же слепит солнце. Ну зачем так нахально нарушать мои границы? Светило бы как-то краем, боком, но не в глаза же! Не люблю лето за хамство. Женщины ходят без лифчиков, груди прыгают, соски катаются, как черешни по блюдцу. Еще носят объемные чёрные очки. И где же теперь у них глаза? Запрыгнешь в автобус, а там тётки то поставят тебе на ноги авоську с огурцами, то поцарапают руку черенком от рассады. Мужчины держатся за поручни крепкими руками, оголяя мохнатые подмышки. Волосы, как паучьи лапки, шевелятся на ветру у открытой форточки, и я весь сжимаюсь, ко-

гда замечаю, как капелька пота вот-вот оторвется и упадет прямо на белокурую голову миниатюрной девушки. А эти дети. Они везде! Высыпаются из школ и садов и заполняют дворы. Нигде от них не скрыться. Орут так, будто пирамида из сотен оловянных чашек сыпется вниз. И я в тревоге оборачиваюсь на каждый визг. Внутри что-то ёкает. Что это? Отцовский инстинкт? Или заложенная в школе программа: спасаем сначала женщин и детей. Тем не менее, каждый раз громкий детский крик закручивает лёгкие. Но потом будто привыкаешь и слышишь уже не удары чашек о мраморный пол, а скорее звон монет. Будто чайка летела, несла в клюве монету, а та выпала, ударилась о гальку, укатилась, чайка закричала. И так десятки чаек разных возрастов. Кидаются галькой, ищут потерянные монеты. А матери разговаривают друг с другом или не отлипают от телефонов. Я их не осуждаю. Наверное, они уже давно умом тронулись, раз слушают чаек 24/7. Воспитательниц детских садов вообще боюсь. Какая стальная у них менталка! Просто трехметровая протеиновая кукуха, приручающая чаек. Не зря с детьми работают в основном женщины. У них стальные нервы, о себе я такого сказать не могу.

Проезжает мотоциклист, я подпрыгиваю от неожиданности. Следом пацан на заниженной приоре врубает какой-то дерзкий рэп. Подхожу к офису, с облегчением тяну за дверь. Врезаюсь в грузчиков с ящиками помидоров, один из них орёт на меня на своем языке, отпускает одну руку, чтобы до-

бавить экспрессии своим словами, вторая рука принимает на себя всю нагрузку, мышцы увеличиваются и вены вздуваются. Мне от этого вида совсем не по себе. Прошмыгиваю в офис, останавливаюсь. Выдох. Внутри прохладно, работает кондиционер. А главное – тихо. Фух, добрался. Осталось досидеть до вечера, но это уже гораздо проще, чем пережить утро. У входа встречают коллеги, две девушки и парень из отдела продаж. Он наматывает на палец локон рядом стоящей грациозно изогнувшейся дамы и спрашивает:

– Привет, как дела?

– Не сдох и ладно.

Они смеются, считают, что я шучу. Я милый, делаю комплименты. У меня весёлые цветные носки с ламами и виртуозно закрученные усы, я укладываю их гелем. Сажусь, включаю компьютер. Заходит начальница, садится напротив и закидывает ногу на ногу, отчего её юбка-карандаш натягивается в опасном напряжении.

– Доброе утро! Как ты?

– Здравствуйте. Все ещё не сдох, поэтому не очень.

Она смеётся, закатывая глаза, как и все в офисе. И потом продолжает с прежним деловым дружелюбием:

– Лола, наш пиарщик, вчера уволилась. Замену ей ищем. Тебе на какое-то время нужно взять часть её функционала.

Правая нога предательски подпрыгивает. Кладу на неё руку, стараясь не выдать вновь подкатившего к горлу беспокойства. Откуда Лола взяла в себе силу уволиться? Ей же

предложили повышение? Коллеги её обожают. Почему? Я бы спросил, да было бы странно задавать такие вопросы, мы почти не общались.

Начальница не видит на моём лице ни капли протеста, как и всегда. Поэтому довольно встает. Её юбка с облегчением сморщивается. А я смотрю в экран погасшего монитора не в силах двинуться. Вижу в отражении, как начальница останавливается у двери, одной рукой облакачивается о косяк, а второй подтягивает тоненькие как паутинка колготки. Заходит Лёха из отдела продаж и зовет покурить. Я послушно встаю, хотя ненавижу запах дыма и фруктового пара.

– Что вчера было!

Леха медленно закуривает и не торопится продолжать. Хочет, чтобы во мне проснулось любопытство. Но мне всё равно. Я вышел с ним, потому что привык быть хорошим. Привык всем угождать и идти туда, куда просят. Потому что самому мне идти некуда. Лёха продолжает после двух затяжек:

– Короче, мы вчера пошли праздновать уход Лолы. Она позвала всех в бар. Нормально посидели. А потом!

Леха подпрыгивает и делает долгую паузу. Снова ждет, что я стану спрашивать. Но не выдерживает и выдает:

– Я уехал к Ленке!

Он с облегчением садится и смотрит на меня. Я понимаю, что отмолчаться больше не получится. Чуть привстаю, вздыхаю с ухмылкой и говорю:

– И как она?

Лёха снова подпрыгивает:

– Скакала на мне, как героиня вестерна! Думал, член мне сломает.

Леха с полуоткрытым ртом глазеет на меня с надеждой. Я спешу натянуть сползшую ухмылку обратно. Лёха же наоборот, от обиды тускнеет и горбится. Он давно запал на Лену. Я не могу порадоваться за Лёху не только оттого, что мне всё равно. А скорее оттого, что прекрасно знаю: Лене он не нравится. Она подкалывает его, за спиной откровенно унижает. Сама же постоянно просит его об услуге. Однажды он даже отвёз кота её хахалю в ветеринарку. Жаль Лёху. Почему такие наивные добряки так часто западают на стерв? Лёха продолжает и искры снова прыгают в глазах:

– Ну а потом я на ней, конечно. Я всегда знал, что оседлаю эту строптивую лошадку. Вот она и побывала подо мной. Дело времени.

А, так вот почему.

Леха не дождался моей похвалы и продолжил:

– Ну а ты чего с нами не пошел? Марина очень расстроилась. Ты ей знаешь, как нравишься? Вот серьёзно, какие такие дела у тебя были вчера? Неужели нельзя было отложить?

Лёха снова вскакивает, но уже как-то агрессивно. Смотрит в упор и говорит.

– Чем ты вчера занимался?

– Пытался сдохнуть, но не вышло.

Леха бьет кулаком в стену позади меня. Неожиданно. Обычно на этих словах он смеётся и говорит, что у меня чёрный юмор, но ему нравится. Сейчас всё по-другому. Он не отводит взгляд и шипит:

– Ты думаешь, это смешно?

Лёха говорит тяжело дыша, и я вспоминаю, что он первый человек в моей жизни, который понимает, что я не шучу.

Он спокойно садится напротив меня, не теряя твердости продолжает смотреть прямо в глаза. Ударив в стену, он будто разбил мою хрупкую, но хорошо отполированную броню из сарказма, наигранной вежливости и припудренной доброжелательности. Теперь я сижу напротив него обмякший, грустный, трусливый. Он знает мой секрет. Он видит меня. А я понятия не имею, как оправдаться. И шепчу:

– Я хотел побыть один.

Я говорю еле слышно, с усилием сглатывая слюну. Лёха глубоко затягивается и понижает голос:

– Ты в последнее время всегда один. Даже перестал звать меня поиграть в приставку.

– У меня нет сил.

– Ну так найди.

Найди? Как мне найти силу, когда я даже не знаю, что она такое есть? В чем сила? Этот экзистенциальный вопрос задает себе не одно поколение. Я слышал много ответов на него, мудрых и забавных, глубоких и мерзких. Но ни один из них мне не подходит. Наверное, мне следует уволиться вслед

за Лолой и поискать ответ. Может, тогда я стану чуть ближе к тому, чтобы уловить смысл. Хотя я сильно сомневаюсь в его присутствии в принципе.

Я опускаю голову всё ниже, ныряя в свои мысли. А Лёха снова злится.

– Ты можешь поговорить со мной? Я же вижу, как твои глазки постоянно бегают. Ты же думаешь себе ходишь всякое. Так скажи мне! Вслух скажи!

Лёха чуть не срывается на крик на последней фразе.

– Мои мысли совсем не интересны. Поэтому и делиться ими не хочется.

– Знаешь, что? Чтобы это сделать, нужна смелость. А у тебя духу не хватит, слабак!

Лёха с обидой выбрасывает окурок и хлопает дверью.

Вот тут, Лёха, ты неправ. Чтобы покончить с собой, много ума не надо. Способов – тысячи. Причин – миллиард. Особенно когда каждый вдох причиняет страдание. Когда день ото дня ты выскребаешь крупичицы сил на то, чтобы этого НЕ сделать. А голос в голове шепчет: «Вперед. Это же так просто. Всего шаг и всё закончится. Навсегда. Ты освободишься!» Какой сладкий этот голос, будто обнимает тебя. Знал бы ты, Лёха, сколько сил мне нужно, чтобы сопротивляться ему и вставать с кровати. С каким трудом я тащу себя за волосы, чтобы прожить ещё один бессмысленный день. Тащу и не могу найти ни одной причины остаться. Но остаюсь, потому что я не слабак.

К концу дня Леха сидит у компьютера в наушниках и тычет в запястье свежезаточенным карандашом. Резко хлопает крышкой ноутбука. Встает, прощается со всеми, кроме меня. Подходит ближе и тихо говорит:

– До завтра, друг.

От этого слова внутри меня все сворачивается в игольчатый ком. Друг. Меня тошнит. Хочется пить.

Я не тороплюсь выходить из офиса. Хочу убедиться, что солнце действительно завалится за горизонт грузной начищенной армейской бляшкой и случайно не выпрыгнет обратно. На закате мир успокаивается. Звуки раздаются реже, но продолжительнее, кроны деревьев зеленеют ярким, глубоким оттенком. И я тоже замедляю шаг. Смотрю на гравий в клумбе, на лимонные ирисы, на щекастые пионы и представляю, что на самом деле не стою на асфальте, а лежу в этой клумбе, гравий сыпется на грудь, нежно шуршит и постукивает приятной, чешущей болью. Распахиваю глаза, а там небо, исполосанное самолетами, дыхание перехватывает от его величия. Ведь оно каждый день надо мной. Такое красивое, страшное. И как же я хожу под ним вот так просто каждый день? И по венам вдруг растекается какая-то слезливая благодарность за то, что я здесь. Что могу вдыхать ароматы, слышать трели, ощущать воздух в легких. И видеть эту бесконечную, вечно рождающую себя жизнь. Но столько боли... так много, нестерпимо. Я вдыхаю её сладко-соленый смрад, слышу крики, чувствую ужас. Она застревает в горле, пере-

крывая кислород. Я пью таблетки. Антидепрессанты и транквилизаторы. Я хочу убить себя. Но при этом страшно тревожусь, задыхаюсь от панических атак. Неужели боль стоит этих цветов? А если стоит, то где найти силу остаться?

Учитель

– Коллеги, знакомьтесь. Лолита Константиновна – наш новый учитель русского языка и литературы.

Весь педсостав вяло кивает в сторону девушки, отворачивается и продолжает изучать её боковым зрением.

– Здравствуйте!

У Лолы пересыхает в горле от волнения, и она тянется за кофе из бумажного стаканчика.

– Простите, у нас не принято приносить еду и напитки, только воду. Перекусить вы можете в столовой.

Завуч Белла Эдуардовна пытается говорить сдержанно, прикусывает тонкие ярко накрашенные губы, от чего её бледное морщинистое лицо теряется на фоне блеклой блузы. Но присутствующие всё равно отчетливо слышат скрежет её зубов. Она никогда не кричит, только шипит, и этот звук напоминает скворчание раскалённого масла, на котором она тебя вот-вот поджарит. Учителя про себя зовут её Белла Адовна, а ученики – гаргалыга.

Желание что-то рассказать о себе у Лолы испаряется. Коллеги, похоже, даже не собирались слушать, зашуршали бумажками и разбежались по кабинету.

«Мда... Трудно мне с вами будет, бумеры. Посмотрим, сколько продержусь» – думает Лола, выходя из кабинета, и чувствует, как чья-то рука тащит её за локоть. Это Светла-

на Сергеевна, учительница истории. Ученики прозвали её «шар земной» за сходство фигуры с глобусом, но, сами того не подозревая, попали в самую суть её характера. Светлану Сергеевну раздуло не столько от столовских котлет, сколько от чувства собственной важности. Она относится к тем учителям, кто искренне считают, будто вокруг их предмета вертится весь мир. И пытаются доказать это окружающим. Несмотря на молодой возраст и постоянно распущенные, спутанные длинные черные волосы, она отлично вписалась в коллектив.

– Пойдите, милочка. Хочу пожелать вам удачи. Вы ведь знаете, вместо кого будете работать?

– На собеседовании говорили, что прошлый учитель ушел на пенсию. Да и в целом можно на «ты».

Лола смотрит в глаза коллеге, улыбается и тут же опускает взгляд. Светлана Сергеевна натужно растягивает уголки рта и смотрит Лоле поверх бровей.

– Да-да, всё верно. На заслуженный отдых. Тамара Александровна – гордость школы. Вырастила столько олимпиадников! Первый стобальник в городе, кстати, её протеже. Ученики её обожали! Трудно вам будет, милочка. Планка-то какова!

Лола поворачивается боком и смотрит на дверь. Историчка дотрагивается до её плеча двумя пальцами.

– К тому же, хм, вам положено знать. Наш завуч, Белла Эдуардовна, до повышения тоже преподавала русский и ли-

тературу.

Лола резко сминает стаканчик от кофе и бросает в урну. А вместо «пошла на хрен» говорит:

– Спасибо.

Девушка подходит к кабинету и заглядывает в приоткрытую дверь. Одиннадцатиклассники уже сидят за партами, но почему-то тихо. Лола натягивает улыбку, распахивает дверь и уверенно шагает к доске.

– Здравствуйте, ребята. Мня зовут Лолита. Э-э-э... Лолита Константиновна.

Тишина. Тридцать здоровых лбов смотрят на неё и не шелохнутся. Она ожидала гомон, смешки с последних парт, язвительные вопросы, на которые она уже заготовила выразительные ответы. Какие-то неправильные подростки. Руки сложили и вылупили на неё свои рыбки глаза. Лола прокликает день, когда решила подать документы в педагогический, и уже фантазирует над причиной увольнения. Но тут девочка за первой партой говорит:

– У вас необычное имя.

«Ох, спасибо тебе, милое создание». Лола вдыхает всей грудью, поднимает глаза и тараторит:

– Имя самое обычное. Вспомните его, когда будем проходить Набокова.

Снова тишина. Шутка не зашла. Лола заливается краской и пытается найти поддержку у девочки. Та только смотрит исподлобья со скрываемой ухмылкой. Лола скользит взгля-

дом по первой парте и замечает тетрадь с аниме на обложке.

– Хотела произвести на вас впечатление, но как-то не выдалось.

Лола виновато улыбается и продолжает громко:

– Но, как говорил Наруто: «Никогда не сдаваться. Встать, когда все рухнуло – вот настоящая сила».

Волной от первой до последней парты пронесится одобрительный смешок. Девушка выдыхает, опускает плечи, даёт ученикам отшептаться друг с другом и уверенно говорит:

– Меня зовут Лола. Но по правилам школы вам нужно называть меня Лолита Константиновна. Хотя мне больше по душе мадемуазель Лилит. Кстати, это мой ник в твиттере.

Спустя месяц русский язык и литература стали любимыми предметами у одиннадцатиклассников. Они смотрели ролики на ютубе и искали ошибки в ударениях (оказалось, популярные блогеры – те ещё грамотеи), готовили презентации о прочитанных книгах и создавали странички в соцсетях для поэтов серебряного века. Лола выпросила у учителя ОБЖ проектор, на котором он должен был показывать ученикам фильмы о вреде курения и про ужасы абортот. Но Григорий Иванович вместо этого весь урок травил байки про приключения своего стройотряда и потягивал чай «с секретиком» из термоса. А ещё с помощью проектора Лола освободила себя от проверки домашки или диктантов. Она просила учеников поменяться тетрадями, и они сами находили ошибки одноклассников, сравнивая тексты с правильным вариантом на

экране. Работа была бы в радость (не считая утренних летучек). Но подружиться с семиклассниками никак не получалось. Подростки то и дело пытались сорвать урок, подшутить над новой учительницей. Лола включала обаяние на максимум, смотрела все видео, которые цитируют ученики, даже пыталась рассказывать правила русского языка мемами. Ничего не помогало.

– Трудный класс. Я на них давно поставила крест. Преподаю только первым партам. Остальные пусть хоть на ушах стоят.

Учительница химии Маргарита Антоновна с жалостью смотрит на Лолу и поправляет челку.

– Понимаю, но что-то же можно сделать.

Лола вздыхает, греет руки о чашку с чаем и любуется, как сверкает малахитовая брошь на груди химички. Та подвигает ближе домашние пирожки. Ох и попадет им от гаргалыги за это чаепитие, если вдруг узнает. Но Маргарита Антоновна очень хочет по-матерински поддержать бедную девочку, а другого способа найти не может.

– А что вы сделаете? Для них даже ремень родителей не авторитет!

Маргарита Антоновна пытается приподнять тучное тело и налить ещё чая. Ученики по-доброму относятся к ней, но по школьным традициям прозвали её Целлюлитой Антоновной.

– Вы бы лучше занимались одиннадцатиклассниками, у

них ЕГЭ. А этих шалопаев расформируем. Мы с вами договорим других учителей обратиться к директору с этим вопросом.

Но у Лолы уже есть идея получше.

Лола заглядывает в класс, но большая часть учеников как обычно не реагирует. За ней заходят ещё три парня и три девушки. Они выстраиваются вдоль доски и с улыбкой смотрят на семиклассников. Те затихают и шепчутся. Высокий брюнет Давид, по которому сохнет полшколы, оглядывает класс и говорит:

– Всем привет! Сегодня у вас будет необычный урок. Мы поделимся на шесть команд, у каждой будет капитан – кто-то из нас. Мы будем выполнять задания, их даст Лолита Константиновна, а потом презентуем перед классом.

– Я составила список команд, сейчас выведу на экран.

Лола робко включает проектор. Старшеклассники дружелюбно подмигивают ученикам.

На экране появляется список с фамилиями, семиклассники срываются с мест, переставляют столы, кто-то пытается поменяться командами. Все до одного включились в процесс. Лола облакачивается на стол и наблюдает. Не только девчонки, но и Лёлик, самый хулиганистый и неуправляемый заводила, смотрит на Давида с восхищением, ловит каждое слово и старается впечатлить его. У Лёлика нет отца, а мать ездит работать на вахту. Бабушка не справляется с

мальчиком, пытается наказывать по-советски – стоянием за горохе или чисткой лука, отчего Лёлик только больше протестует и срывает злость на одноклассниках. Например, на Тимуре, неказистом и скромном отличнике, чей отец выбил из него малейшее желание сопротивляться и проявлять свое «я».

—

На следующий день Лола, как обычно, собирается с духом, чтобы открыть кабинет. Но вместо привычного ора слышит спокойное перешёптывание. Неужели Лёлик не пришел? Не мог же один урок со старшеклассниками так всё изменить! Она заходит, семиклассники медленно садятся за парты. Все кроме одного. Лола подходит к мальчику и наклоняется к его уху.

– Тимур, а ты почему не садишься?

– Можно я постою?

– Ладно, стой.

Лола начинает урок, то и дело поглядывая на Тимура. Хилый ребёнок, изгой в классе. Всегда в одной и той же белой рубашке, заправленной в чёрные штаты. Зачем он даёт одноклассникам очередной повод издеваться над собой? После урока Лола просит мальчика остаться.

– Объясни, пожалуйста, что это было?

– Просто мне так удобней.

– Тимур, пойми, это первый урок. Дальше у тебя что? История, кажется. Вряд ли тебе там тоже разрешат стоять. К

тому же вы должны проходить историю Рима и Древней Греции. Поверь, одноклассники не оставят тебя в покое своими усмешками.

Мальчик опускает голову и молчит. Лола рассматривает его и замечает синяк на левой руке.

– Тебя обижают одноклассники?

– Нет.

– Тим, прости, пожалуйста.

Лола резко бьет его журналом по ягодицам. Мальчик подсакивает, корчится от боли и орет:

– Что, что вы делаете?

– Это родители? Из-за тройки?

– Не ваше дело!

Тимур в ярости швыряет рюкзак к двери, но сам уйти не смеет. Лола чувствует, как стучит в висках и дрожит левая лодыжка. Она разжимает челюсти и говорит спокойно:

– Хочешь исправить оценку?

Тимур удивлённо смотрит на учительницу, продолжая молча тяжело дышать.

– Я разрешаю тебе переписать сочинение. Ты должен будешь сам объяснить все свои ошибки и предложить, как можно их исправить. Понимаешь?

– Нет. Да!

Тимур пятится назад и заторможенно подбирает рюкзак.

– Вот и договорились. Теперь пойдём к Светлане Сергеевне. Я сама попрошу её разрешить тебе стоять.

На удивление историчка не стала узнавать причину странной просьбы, поблагодарила Лолу за ответственность перед учеником, а в конце добавила, что директриса ждет её у себя.

—
– Присаживайтесь.

Лариса Владимировна указывает на пластиковый стул у двери. Сама садится за огромный п-образный стол, который занимает половину кабинета, и откидывается в кресле. Лола присаживается на самый край стула и скрещивает ноги.

– До меня дошла информация, что вы не проверяете домашнее задание у старшеклассников. А ещё на уроках включаете им какие-то ролики. Я на многое готова закрыть глаза, Лолита Константиновна, но эта последняя выходка... Зачем вы позвали одиннадцатиклассников к семиклассникам и устроили балаган?

Лола чуть не подавилась слюной, пытаясь возразить, но директриса продолжает:

– Каждый учитель самостоятельно должен проверять домашнее задание. Это входит в его обязанности по договору найма. Надеюсь, такого больше не повторится?

Пока директриса говорила, Лола смогла её разглядеть. Тёмные с проседью волосы, собранные в тугий пучок на макушке, оголяют блестящий высокий лоб, блуза почти такая же белая, как её кожа, а из-под тяжелой длинной юбки выпирают острые колени. Теперь понятно, почему ученики называют её Лорда Воландемортовна.

– Лариса Владимировна, я не знаю, от кого вы слышали про мои методы преподавания, но, полагаю, что не от учеников, поэтому информация у вас слегка неточная.

Директриса аж выпрямляется от уверенного напора. Лола сама от себя такого не ожидала. В висках пульсирует, но отступать некуда:

– Я считаю, что ученики должны взаимодействовать между собой. Так старшекласники учатся ответственности, а младшие видят пример для подражания и тоже хотят быть такими же умными и крутыми. Мой метод приносит результаты, ученики стали проявлять больше интереса к учёбе.

Лола больше не могла сдерживать порыв, вскочила и зашагала по кабинету директрисы.

– Учителя постоянно запугивают школьников, внушают им страх перед оценками и перед собой. Как следствие, ученики начинают бояться учителей, а потом и ненавидеть. Придумывают им смешные прозвища, чтобы хоть как-то снизить градус напряжения. Обучение из-под палки не даёт позитивного результата, и это не только моё мнение, об этом говорит мировой опыт. Нам нужно давать ученикам больше свободы!

Лариса Владимировна прожигает Лолу долгим немигающим взглядом. Девушка чувствует, как полыхают щёки и сохнут губы. Директриса берет в руки какой-то документ и протягивает Лоле. Ну всё, сейчас уволит.

– Вы молоды и полны идей, это похвально. Но вам не стоит забывать о формальностях. Вот, возьмите.

Лола на цыпочках подходит к столу и кончиками пальцев цепляет бумагу.

– Это жалоба от папы Муслимова Тимура. Мальчик отличник, а вы ему ставите тройку.

– Я ставлю объективные оценки. Вы знаете, что его дома бьют?

Теперь уже не выдерживает директриса, встает и говорит с напором, облачаясь костяшками пальцев на стол:

– Наша главная обязанность – подготовить детей к ЕГЭ. А воспитание – это дело родителей. Мы не должны портить аттестат мальчику из-за одного предмета! Золотые медалисты определяют статус школы, вам ясно?

Лола ничего не отвечает. Она опускает голову и пытается не выдать дрожи в коленках. Директриса замечает это, берёт себя в руки и возвращается в кресло:

– Я была такая же, как вы. Горела делом, хотела всё переиначить. Но если вы жаждете добиться чего-то, то нужно научиться встраиваться в систему. Уж поверьте моему опыту.

– Спасибо. Я могу идти?

– Да, конечно.

Лола облизывает мокрые, соленые губы, будто хочет напиться слезами. Берет телефон, звонит маме и высказывает всё, что хотела бы кинуть в лицо этим сухарям.

—

На утренней летучке Лола не говорит ни слова, а потом первая выходит из учительской. Возле класса уже толпятся

семиклассники. Девушки смотрят какое-то видео и смеются, парни гогочут ломающимися голосами над Тимуром, тот старается не обращать внимание и сгибается над учебником.

– Тимур, зайди ко мне в кабинет, пожалуйста.

Мальчик доверчиво смотрит на учительницу, берёт тяжёлый рюкзак и послушно идет за ней. Парни улюлюкают вслед что-то про короткую юбку Лолы и девственность.

– Ну что, ты сделал работу над ошибками?

– Да, конечно, вот.

Ученик кладет на стол раскрытую тетрадку и делает пару шагов назад. Лола беглым взглядом проверяет текст и просто говорит:

– Всё отлично. Тимур, ты молодец!

Мальчик продолжает молча стоять, опустив голову. Лола хмурится, ещё немного ждет и говорит:

– Ну, тогда я поставлю тебе два.

– Что? За что? Вы же сказали, что всё правильно!

Тимур роняет рюкзак, подходит к столу и продолжает полусшепотом:

– Лолита Константиновна, пожалуйста, не надо. Меня дома убьют.

Лолита наклоняется к Тимур, смотрит ему в глаза и говорит:

– Ты не понял. Ошибки – это обязательная часть взросления. Ошибки учат тебя быть сильнее, умнее. Это твой опыт. Каждая новая ошибка – это баллы, которые ты накаплива-

ешь и плюсуешь. И чем больше ты наделаешь ошибок, тем крупнее выйдет сумма на счету. Понимаешь?

– Да... Н-нет.

– Смотри, я поставила тебе три. А сейчас ты заработал еще два. Сколько будет три плюс два?

– П... пять?

– Именно!

Лола открывает журнал и исправляет тройку на пятерку.

– Тимур, ты очень умный парень. Ты выигрываешь городские олимпиады по математике. Нельзя быть идеальным везде. Просто используй свои сильные стороны.

Тимур медленно спускается по стене, садится на корточки, закрывает руками лицо и плачет. Лола садится рядом и кладет руку ему на спину.

– Мне очень повезло. Меня мама никогда не ругала за оценки, давала полную свободу и во всём поддерживала. Благодаря этому сейчас у меня есть внутренняя сила, и я могу поступать так, как захочу. Знаешь, она совсем не одобряет мой выбор стать учителем. И особенно мой переезд в Петербург. Но продолжает верить в меня.

– Я вам завидую.

Мальчик всхлипывает и вытирает слезы чистым белым рукавом рубашки.

– Нет, не нужно завидовать. Я всё равно старалась учиться на пятёрки, потому что учителя внушали, будто от оценок зависит будущее. Но они вралли. Оценки не значат ничего.

Когда ты получишь свой аттестат, то просто положишь его в папочку с документами и забудешь на всю жизнь. Оценки нужны не тебе, а учителям, чтобы запугивать и манипулировать.

Тимур поднимает голову, с удивлением и страхом смотрит на учительницу.

– Ты не обязан разбивать лоб и писать сочинение уровня Пушкина. Тебе этот навык никогда в жизни не пригодится. Достаточно просто научиться писать любые сочинения, чтобы уметь излагать мысли. Поэтому забей. Я нарисую пятёрку в аттестате, раз твоим родителям это так нужно. Но только если ты продолжишь исправлять ошибки и не будешь их бояться, хорошо?

Тимур поднимает на Лолу глаза, полные восторга и надежды, и тихо говорит:

– Хорошо.

– Ты посиди здесь. Сходи умойся, только потом приходи, как будешь готов. Не торопись, ладно?

– Ладно. Спасибо!

– И это, напиши мне телефон своего папы и оставь на столе. Хочу с ним поговорить.

—

Лола идёт вдоль заснеженных дворов, даже сквозь пуховик лямки набитого тетрадками шопера больно давят на плечо. На шопере синими нитками вышит профиль Бродского и его цитата: «Мир, вероятно, спасти уже не удастся, но от-

дельного человека – всегда можно». Девушка слушает музыку, неслышно подпевает, но в самый разгар куплета звонит телефон:

– Привет, дочь! Как там на фронте?

– На работе всё нормально. Привет, как ты?

– Ого, ты сегодня какая-то... не недовольная. Что случилось? Гаргалыга нашла новую собачку для битья?

– Ну мам. Всё не так плохо. Я жалуясь, потому что пришла на новое место, коллектив устоявшийся, поэтому трудно принимает. Со временем всё наладится, и я стану своей.

– Ага, станешь своей. Будешь носить один пиджак всю жизнь, отдыхать в санатории «Звёздочка» раз в 10 лет и на Новый год есть бутерброд с икрой красной, идентичной натуральному.

– Умеешь ты поддержать, конечно. Зарплата небольшая, да. Но со временем я смогу подрабатывать репетиторством и писать исследовательские работы.

– А вот послушала бы маму, закончила бы курсы по SMM и сидела бы на удаленке, постилки пилила и в ус бы не дула.

– Но мне нравится работать с детьми. К тому же коллеги тоже неплохие люди. Они просто привыкли работать из года в год в неизменных условиях. Ученики приходят и уходят, меняются поколения, мам! А они, как ты выразилась, ходят в одном пиджаке. Потому что система крепко держит за грудки и не дает свободы для самовыражения. Они стали частью этой системы и смирились. А я пришла, давай гнездо воро-

шить. Вот они и недовольны. Но ничего.

– Ладно, Лола – звезда рок-н-ролла, хочется тебе барахтаться в этом болоте – выбор твой. Всё равно в любой момент можешь прийти ко мне, устрою, как и обещала.

– Спасибо, мам. У меня всё получится.

– Дай бог, дочь. Удачи, люблю!

Мама отключилась, и в наушниках снова заиграла музыка. Лола вдыхает морозный воздух, он покалывает в ноздрях, но потом расплывается теплом по телу. Нет, она точно на своем месте. Всё самое лучшее в этой жизни достаётся большим трудом. Будь то подъём на Эверест, кругосветное путешествие, крепкая семья или карьера мечты. Всегда нужно работать и превозмогать себя. Она не собирается сдаваться, когда-нибудь займёт кресло Воландемортовны и покажет всем, что можно учить детей не под прессом.

—

В это самое время учительница истории заходит в кабинет директрисы и кладёт на стол распечатанные скриншоты.

– Полюбуйтесь, Лариса Владимировна. Это твиттер нашей Лолиты Константиновны. А вы почитайте, что она там пишет, почитайте! У неё много подписчиков, и наши ученики в том числе. Тут и фото есть. Вот она, милочка, в купальнике!

Желание

Босс кинул на деньги, в очередной раз. Я устал это терпеть и уволился. Он исходил слюнями, что я обязан отработать законные две недели и вообще debil, раз надеюсь найти работу в пандемию. Но мне уже пофиг. Настроение на нуле, праздновать не хочется. Позвонил друзьям и соврал, что затемпературил. А сам уехал домой, пошел бродить по Дворцовой площади. Мама говорила, что Александрийский столп исполняет мечты. Нужно обойти колонну по часовой стрелке три раза и представить желаемое. У мамы они всегда сбывались.

А я ненавижу загадывать желания. Кажется, кто-то сверху (всё равно кто из этих бородатых мужиков – Дед Мороз или сам Иисус) точит на меня зуб и каждый раз ищет, как бы выехать за счет формулировки. Когда мне было шесть, я написал письмо Деду Морозу и попросил у него пожарную машину. Под елкой утром 1 января меня ждали деревянные кубики с буквами и цифрами. Мама сказала, что так дедушка позаботился о том, чтобы я был готов к школе и поднатаскался в счёте и письме. К слову, у нее синдром отличницы, и она почему-то решила, что с моей помощью может выпрашивать себе пятерки от окружающих. Пожарную машину я тогда всё-таки увидел. Летом в деревне мы с местными па-

цанами заперлись в бане, чтобы покурить бычки из пепельницы чьего-то батька. Я сам с гордостью предложил бабушкину баню в качестве убежища, чтобы заслужить уважение старших. Что-то пошло не по плану, и мы сами не заметили, как стоим и смотрим на догорающую баню, пока взрослые бегают как в зад ужаленные. Когда пожарные приехали, то спасать было уже нечего. Вечером батя отхлестал меня так, что зад горел, будто я присел на улей и застрял. С тех пор я перестал верить в Деда Мороза.

Следующий раз я загадал желание, когда мне было четырнадцать лет. Тогда мне за праздничным столом впервые в жизни дали попробовать шампанское с условием, что я напишу желание на бумажке, сожгу её и выпью пепел под бой курантов. От счастья я тогда был готов хоть землю есть, поэтому насчет желания особо не парился и просто написал: «Боже, храни королеву». А на следующий день разбил семейную реликвию – вазу с императрицей Екатериной. Тогда я записал Бога в чёрный список, сразу же после Деда Мороза.

После школы я не успел очухаться, как меня забрали в армию. Новый год встречал уже лысым духом. На гражданке осталась Ирка – моя внезапная любовь, с которой мы встречались три месяца и собирались прожить всю жизнь. Не знаю, чем я тогда думал, может кровь от вынужденного воздержания перестала поступать в мозг, но я напрочь забыл про все свои принципы и назагадывал столько, что в небесной канцелярии только и успевали записывать. Я хотел, что-

бы Ирка меня дождалась. Чтобы мы поженились, и чтобы у нас родилась дочка – кудрявая и курносая, как её мать. Ирка меня дождалась. Я был так счастлив, что когда узнал о её беременности, ни секунды не сомневаясь, сделал ей предложение. Свадьбу играли уже на шестом месяце, когда живот даже под пышным платьем шёл впереди худящей Ирки. Да, у нас родилась девочка, рыжая и курносая, всё как я надеялся. Только вот не от меня.

Больше я желания не загадывал. До одного дня. Я влюбился. Прямо серьёзно. Был уверен, что до конца жизни останусь холостяком. А тут она: красивая, умная, сильная. Как Афина или Артемида. Как Геката. Как Зена королева воинов. Как Миранда из «Дьявол носит Prada». Ох и долго я за ней бегал. Перед сном представлял, как делаю ей предложение, и она плачет (наверное, впервые в жизни). А потом мы бежим в белой одежде босые по пляжу, держа за руки деток (мальчика и девочку, разумеется). Загадывать и желать боялся до усрачки. Мечты отгонял суеверным просмотром порнухи. Но потом девушка кореша сказала, что надо заключить долг со вселенной. Взять на что-то аскезу. Я как голодный бедолага подхватил идею. Поклялся вселенной, что навсегда завязал с курением, алкоголем и даже порнухой. Обещал, что буду переводить деньги на благотворительность и перестану материться (ну с этим я погорячился, конечно). Только пусть она всем сердцем полюбит... (Тут я завис. Если скажу «меня», то опять будет какой-то подвох, вроде пар-

ня с моим именем). Я подошел к зеркалу и уверенно сказал: «Пусть она полюбит высокого, желтоглазого и кудрявого». Я был очень доволен собой, типа с моей внешностью поди сыши. Вселенная посмотрела на меня, подумала: «Ну и пофиг», и пошла дальше расширяться. А любимая бросила меня, сказала, что ей не нужны отношения. А через пару месяцев стала встречаться с каким-то кудрявым и желтоглазым. Только цвет волос у нас разный. Опять упустил. Надо было еще про родинки сказать вселенной. И про родимое пятно на затылке. Но вселенной я теперь тоже не верю.

Я уже обошел столп два раза, пошел на третий. Но тут ко мне уверенным шагом подходит девушка в костюме снегурочки и протягивает алую полоску ткани. Но в белоснежное платье с золотым узором по краям и с заплетёнными под диадему косами она больше смахивает на греческую богиню.

– С Новым годом! Загадайте желание и привяжите ленту на ёлку, оно обязательно сбудется!

Я готовлюсь вежливо отказаться, но отвлекаюсь на сообщение от босса: «Раз не хочешь отрабатывать, то я твою премию отозвал в бухгалтерии. Получишь голый оклад. С новым годом!» Я ору:

– Ах ты ж мразь лысеющая!

Выхватываю из рук снегурки ленту. Она как ни в чем не бывало стоит рядом и наблюдает, как я подпрыгиваю, матерюсь и корячусь у ёлки.

– Чтоб у тебя весь год жопа чесалась, чтоб у тебя геморрой

вырос с кулак великана, чтоб ты на унитазе сидел и был как собака!

Ленту привязал на совесть, узлов на 10. Когда пришёл в себя и в ужасе осознал, что орал при милой ни в чем не повинной девушке, то её уже и след простыл. Стыдно, но вместе с тем и легко. Как-то отпустило. Смотрю на часы – 23.00 – еще успею к родителям в родное гетто, в Шушары. Бегу к метро, по пути заскочил в магазин, купил бате коньяк, а маме цветы. Пусть сфотографируется, выложит в одноклассники с подписью «сыночек любимый подарил» и ей там наставят пятёрку.

Теперь я живу на зло вселенной, поэтому первого и второго января не просыхал, под утро третьего вышел выкидывать мусор, обматерил соседа и чуть с ним не подрался. Нас разняла соседка, так и познакомились.

Телефон вибрирует на столе и всё ближе подбирается к краю. Я не могу взять трубку и проклинаю звонящего, потому что дрейфлю по волнам моей стокилограммовой соседки и собираюсь вот-вот заплыть в гавань. Телефон таки шлёпается на пол в самый кульминационный момент. Я подбираю его, выхожу на кухню, затягиваюсь и перезваниваю.

– Костя, какого хера, 3 января, 10 утра!

– Что, разбудил? Ты мне сейчас всё простишь. Босс же после того, как кинул нас на бабло, сам укатил в Австралию. Так вот, там он умудрился сесть на какого-то местного ежа, и теперь бьётся в такой агонии, что... Ахах!

Костя ржёт в трубку так, что у меня закладывают уши.

– Погоди... Так ему морской ёж что ли жопу проколол?

– Ну типа, ахах!

До меня, наконец, доходит, и я тоже ржу как конь, которого клеймили раскалённым железом. Костя ждёт, когда я проорусь, и продолжает:

– В общем что звоню, ох... Ну это ж надо. Я уж не знаю, какой это ёж был, может сам Нептун его на свой трезубец натянул, но он позвонил мне и сказал, чтобы я перевёл тебе зарплату и премию тоже в полном размере.

Я положил трубку и заметил на столе соседки книгу «Мифы Рима и древней Греции». В этот день я понял две вещи: если что-то хочешь, то нужно хотеть со всей страстью; если твой бог тебя не слышит, то ты исповедуешь не ту религию.

Семья

– Здравствуйте!

Лера вздрагивает от неожиданности и оборачивается. На лестнице сидит соседская девочка.

– Ты чего здесь делаешь?

– Не знаю. Мама не открывает, может, дома нет.

– И давно ты здесь?

– Как со школы пришла.

Маша недавно пошла в первый класс. Уроки обычно заканчиваются не позже 12.00, а сейчас уже седьмой час. Лера заходит в квартиру, включает свет и кивает:

– Забегай ко мне.

Девочки проскакивает в дверь, на ходу сбрасывая рюкзак. Она надевает тапочки, моет руки, идет на кухню и садится на стул.

– Маш, ну сколько раз тебя просить, говори мне «ты». А ещё можно «привет» вместо «здравствуйте».

Маша стыдливо опускает глаза и дёргает ногами, будто раскачивается на качелях. Ей бы хотелось сказать: «Лера, я скучала!» вместо «Спасибо, тётя Лера». Но мама научила, что со всеми взрослыми нужно разговаривать на «вы». Даже с отчимом, который порет армейским ремнём за то, что она слишком громко смеётся над мультиком, когда у него отходняк после пьянки. Поэтому Маша боится лишний раз просто

сказать хоть что-нибудь.

Лера с Машей давно много времени проводят вместе: делают уроки, гуляют во дворе, смотрят телевизор. Но каждый раз на лестничной клетке они смущенно разыгрывают сцену, в которой будто встретились случайно и абсолютно неожиданно.

Раньше всё было нормально: Маша жила с мамой, иногда к ним приходил мужчина очень статного вида, наверное, дедушка. Маша ждала его как Деда Мороза. Постоянно спрашивала, когда он вернётся. Но потом он резко перестал приходить. Машина мама ушла в запой. Она и раньше любила выпить, но теперь ей совсем сорвало резьбу. Она начала водить мужиков. Один из них остался жить в их квартире. С тех пор девочка почти поселилась в парадной.

—

На светлой кухне женщина в шортах и футболке жарит сырники. Лера сидит за столом и дует на горячий чай в большой прозрачной чашке. Женщина переворачивает сырники и спрашивает:

– И где ты праздновала Новый год?

– Помогала Рустему с социальным проектом. Ходила в костюме снегурочки по дворцовой.

– Лер, ну ты совсем тютю? Тебе сколько лет?

– Прекрати! Я делала доброе дело. К тому же мне не с кем праздновать.

– Вот сейчас было обидно. А мы тебе кто?

Женщина упирается ладонями в бока и разводит локти в сторону. Её колкий взгляд из-под густых бровей прожигает сильнее масла, брызжущего из сковороды во все стороны. Лера пожимает плечами и говорит:

– Амина, не обижайся, пожалуйста. Новый год – это семейный праздник, мне как-то неудобно, буду одна чужая. У вас большая семья, много родственников. Особенно с твоей стороны.

Последнюю фразу Лера растягивает с ехидной ухмылкой. Амина закатывает глаза.

– Ты ж крестная моей дочери! Как ты можешь такое говорить?

– Не в этом дело. Если честно, я и не знаю, в чём.

Амина насупившись переворачивает сырники по несколько раз. Лера делает глоток чая и говорит:

– Мы же с тобой вместе были чайлдфри.

Амина с озорной легкостью откладывает лопатку, накрывает сырники крышкой, выключает газ и садится рядом с Лерой.

– Ого, какие разговоры начинаются. Да, я помню, в универе даже курсовую по социологии на эту тему писала.

– Ага. А что потом изменилось, почему ты передумала?

– Ну... Сначала-то я хотела детей, помнишь, в школе. Хотела нашему физруку родить тройняшек.

– Помню, за него девочки буквально дрались. Ты ж ему даже стихи писала.

Лера игриво сверкает глазами, подходит к плите, берет лопатку и выкладывает сырники на тарелку. Амина говорит:

– В смысле я? Это ты у нас по стихам. Как там было: «Пожалуйста, просвистите на бис, вы лучший – Петрович Борис!»

Амина заливается смехом и бьет ладонью по столу. Лера ставит тарелку с сырниками.

– Да чего ты ржёшь, не могла я придумать рифму на слово «Петрович».

– А помнишь, мы участвовали в весёлых стартах и назвали свою команду «Борис».

– Наш девиз, – тут Амина подхватывает за Лерой, и они вместе говорят: Ммм, Борис.

Подруги смеются, пьют чай и едят сырники. Амина накручивает прядь на палец и говорит:

– В детстве хотелось детей. Да и у нас так принято. Чтобы большая была семья. В универе мозг окреп, начала осознавать, что дети – это трудно. Ответственность и риски. Хотелось пожить для себя. А еще было страшно. Вокруг столько зла, а ты хочешь в этот мир маленького человечка привести. Зачем? Чтобы он жил в этом во всём? Без надежды и без будущего? Современные подростки впадают в экзистенциальный ужас от того, в какой экологической катастрофе мы находимся. Поэтому и появляются эти Греты Тунберг, которые выходят на улицы, пытаюсь сказать: «Алло, дяди и тёти, пока вы строите свои заводы и меряетесь, у кого пушка больше,

наша общая планета погибает. Вы-то поживёте с оставшимися ресурсами и умрёте, а нам тут жить и как-то разгрести это дерьмо после вас».

– Говоришь, как мама подростка.

– Да, он меня просвещает. А ты ещё общаешься с этой девочкой, соседкой? Как она?

– Да. Всё чаще и чаще. Сейчас холодно, а она на лестнице сидит часами. Или ей двери не открывают, или сама не заходит.

– Или тебя ждёт. Лер, это уже не смешно. Ребёнок страдает, нужно звонить в опеку. И вообще, если эти больные люди увидят девочку у тебя, могут и заявление в полицию накатать.

– Знаю. Но не могу же я ребенка лишить мамы. Вот куда она потом? В приют? Разве там лучше, чем с матерью?

– Ты не права. Её там хотя бы не будут избивать, как минимум. И вообще, Лер, по-моему, давно очевидно, что ей лучше с тобой.

– Амина, ну ты тоже странные вещи говоришь. Не могу же я забрать ребёнка у живой матери.

– Мы это исправим.

– Амина!

Женщина смеётся и шлепает себя ладонью по ноге. Затем выпрямляется и со всей серьёзностью в голосе говорит:

– Уже и пошутить нельзя. Лер, об этом пока не думай. Это решаемо, я всё возьму на себя. Вызови опеку, начнется

проверка – я подключаюсь.

– Но это же её ребёнок.

– Ты так говоришь, будто ребёнок – собственность какая-то. Помнишь, у нас года два назад сосед лабрадора избивал? Так зоозащитники приехали, сказали, либо ты нам продаёшь его за три тыщи прям сейчас, либо мы такую огласку создадим, тебя на работу нигде не возьмут. И отвоевали собаку. А тут – человек! Лера, камон!

– Да, я помню, но. Она её родила. Вырастила у себя в чреве. Поэтому она же... буквально часть её.

Амина вздыхает, берет телефон и показывает экран Лере.

– Ладно, смотри. Это Пашка.

– Будто я твоего Пашку не видела, вон, в соседней комнате за компом сидит.

– А ты посмотри внимательнее. Прям всмотришься. И найди мне в этом лице часть меня.

Лера видит рыжего школьника с острым носом и щербинкой между зубов. Он весь угловатый, резкий, кажется, еще миг – и выпустит колючки. А Амина совсем другая. Брюнетка с мягкими чертами лица и большими глазами. Не было между ними ничего общего. Даже за уши нечего притянуть.

– Ну, он же на папу похож.

– Ага, на свекровь мою бывшую он похож! Я когда увидела в роддоме этот рыжий хохолок, сразу подумала: ну здравствуйте, Галина Александровна.

Подруги смеются. Амина откладывает телефон и говорит:

– Гены – несправедливая штука. Вот так носишь сына девять месяцев, а он вылезает копией человека, который разрушил твой брак и ни разу даже на внука не взглянул. Да, я вырастила ребёнка в своем чреве, как ты выразилась. Но это не моя собственность, а моя ответственность. И если я не могу позаботиться о маленьком человеке. Более того, если я наврежу ему. В таком случае, я не могу оставаться его матерью.

– Да, Гены вообще мудаки.

Подруги снова прыскают долгим, заразительным смехом. Гена – так зовут отца Леры. Когда ей было пять лет, мама забеременела братиком. Роды были сложные, малыш умер, а Лерина мама стала инвалидом. Отец бросил их через полгода. Лера с мамой переехали к бабушке, мама долго болела и умерла через семь лет. Отец так и не появился в жизни дочери, даже после этого. Когда Лере исполнилось восемнадцать, она поменяла фамилию отца на фамилию бабушки. А отчество – на матчество. Но, в её случае, оно тоже звучало как отчество – Евгеньевна. Однажды Гена постучался в друзья к своей уже взрослой дочери. Та заявку не приняла, но изучила страницу: живёт в Сочи, большой дом, жена и... сын. У Леры внутри будто оборвался огромный металлический шар, рухнув на дно грудной клетки. Она переслала всё подруге. Амина не могла найти нужных слов. Поэтому скачала несколько фоток, отфотошопила их, распечатала и поехала к Лере. Пока та трясущимися руками разливала

вино по бокалам, Амина раскладывала листы формата А4. На одном красовался Лерин папа со своей женой. Амина дорисовала женщине огромные уши, а Гену покрасила в блевотно-зеленый цвет, подписав фото: «Гена со своим Чебурашкой». На другом отец держал огромного красного попу-гая. Амина приделала мужчине хвост и гребень с подписью: «Благородный ара и какой-то петух». Фото с сыном фотошопить не стала, просто написала: «Ну хоть у кого-то будет отчество Геннадиевич». Лера долго смеялась, а потом долго плакала.

Амина дотрагивается рукой до Лериных пальцев и говорит:

– Беременность и роды – это особенный опыт, да. Не всегда приятный, местами очень неприятный, но ценный, счастливый. Правда. Но воспитание – это уже совсем другое.

– Получается, всё-таки чтобы быть полноценным родителем, нужно родить?

– Господи, Лера, да что ты заладила! Мужики никогда не рожают, и что же? Неполюценные они? Вон, на Колю моего посмотри. Он не отчим, а самый настоящий отец.

Лера поднимает глаза на большую фотографию в рамке на стене. На ней Амина обнимает за голову своего мужа, а у того на коленях сидят их дети: Паша, от первого брака, и Соня. Он и правда очень любит Пашку и никогда их с Соней не разделял.

– Вот мы с тобой ровесницы. Ты уже дважды замужем,

двое детей. А я всегда думала, что мне это не нужно. Семья, дети. Да мне и сейчас это не нужно, если честно. Но эта девочка... я так к ней привязалась. Неужели что-то изменилось во мне? Может, это от одиночества?

– А может ты просто полюбила ее? Полюбила так, как её родная мать никогда не смогла бы.

Лера опускает голову. И правда, никто никогда не проник в её сердце так глубоко, как Маша. Мужчины приходили, разбивали сердце и уходили. Друзья дороги, но живут своей жизнью. А девочка будто стала родной. Как умершая мама или бабушка, они тоже были родными, но ушли, и никого не осталось рядом. Амина снова дотрагивается до пальцев Леры, возвращая её в реальность, и говорит:

– Лера, у тебя неправильное понимание семьи. Тебе кажется, что семья – это про кровь. Ошибаешься. Хотя бы потому, что семью создают два абсолютно неродственных друг другу человека. Иногда даже из разных стран и культур. Они вступают в брак. И даже если у них не появятся дети, они вдвоём всё равно семья. Понимаешь? Семья – это не про гены. Семья – это когда люди берут друг за друга ответственность.

Лера уходит домой с сырниками в пластиковом контейнере. Под ногами хрустит снег, на перчатки приземляются редкие снежинки. Она решает, что если прямо сейчас Маша так поздно сидит на лестнице одна, то Лера позвонит в органы опеки.

Она заходит в тёмную парадную, достает ключи и слышит тихое:

– Привет.

5 чувство

Ковид унёс моего папу. Недавно они с мамой отпраздновали жемчужную свадьбу, мечтали, как поставят детскую площадку для внука в загородном доме, как купят ещё одну новую машину и сделают ремонт в ванной.

Хоронили в закрытом гробу. Среди его друзей и коллег я заметила женщину лет тридцати на вид, одетую броско и не к месту. Она стояла поодаль от всех и её плечи то и дело подскакивали от приступа удушливого плача. Она старалась не привлекать внимания, но весь её вид кричал о желании быть увиденной. Особенно духи – приторно-сладкие, с яркими нотками ванили и жасмина – их запах застревал в носу, хотелось отойти подальше и отдышаться.

На маму страшно смотреть. Ухоженная женщина, которая всегда старалась молодиться и проводила в салонах красоты времени больше, чем за плитой, засыхает. Её кожа трескается, как старая акварель, оголяя глубокие морщины. Кажется, со слезами из неё вытекает вся влага, вся жизнь. Мама вышла замуж в двадцать лет, бросила институт и посвятила себя семье. Она во всём поддерживала папу, писала за него диплом по ночам на восьмом месяце беременности, брала всю бумажную волокиту, когда папа открыл своё дело. Она заплетала мне тугие косы и говорила: «За каждым великим мужчиной стоит великая женщина. Вот, Софья Толстая ре-

дактировала труды мужа, а Елена Булгакова записывала под диктовку, когда Михаил был болен, именно благодаря ей появился роман «Мастер и Маргарита». Мама гордо улыбалась, намекая, что стоит с этими женщинами в одном ряду, и оттягивала прядь волос так, что я вскрикивала. Она хмурилась и говорила: «Не верещи, красота требует жертв».

Нельзя оставлять её одну. К удивлению, наши тесты отрицательны, но на карантин всё равно посадили. Поэтому муж остаётся дома с сыном, а я пока поживу с мамой. Я глажу её по голове, как глажу своего ребёнка, и она засыпает. Сердце сжимается от жалости к этой свернувшейся в клубочек фигуре, которая теперь кажется такой беспомощной и слабой.

Мне от стресса, недосыпа и усталости, как назло, совсем не спится. Альбомы мы пересмотрели до дыр, но папин телефон так и не взяли в руки. Графический пароль отгадать несложно. На заставке я с Артуркой на руках и непрочитанное сообщение: «Тебя давно не было. Всё в порядке? Мы скучаем». История контакта пуста, больше ни одного сообщения нет. Пробиваю номер телефона через интернет и нахожу страничку Вконтакте. На фотографиях та самая незнакомка, чей парфюм до сих пор щекочет мой нос. Её зовут Зоя. У неё длинные наращенные ресницы, лицо деревенской простушки и отвратительный вкус. На одном фото она позирует в чёрном облегающем платье с огромными подсолнухами, её обнимает за талию мужчина. Кадр обрезан, но на руке отчетливо сверкают папины Breguet.

Меня колотит, бросает в жар, грудь болит, как при гриппе, когда температура подскакивает под 40. Нужно сварить кофе и прийти в себя, спать сегодня уже не получится. Умываюсь холодной водой, смотрю в зеркало, в отражении вижу папин высокий лоб и карие глаза. Папа ругал меня за короткие юбки и наставлял, что замуж нужно выходить обдуманно и на всю жизнь. Мой папа, которого я считала своим героем, которым так гордилась... Неужели он оказался вруном и изменником?

С каждым глотком кофе чувствую себя всё спокойнее. Ну я это так не оставлю. Беру папин телефон и пишу: «Это дочь Владимира, нужно встретиться».

Я в кафе, снова пью кофе, крепко сжимаю чашку и обжигаю пальцы. Знакомый парфюм бьёт как шампанское в нос. Делаю усилие, чтобы посмотреть на неё. Сердце подпрыгивает и застревает в горле. Точь-в-точь как на фото. Зоя присаживается на самом углу дивана и говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.